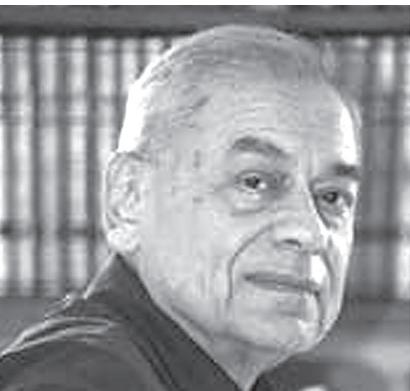

ПЕРВАЯ ГЛАВА (ФРАГМЕНТ)

1

Мы добрались до аэропорта Лода на закате. Это был очень холодный день середины декабря 1947-го. Дороги были пустые, если не считать британских броневиков, и машина «Хамбер» Юсуфа Сайига была единственным гражданским автомобилем на пути из Иерусалима в Лод². Юсуф отвез нас, своего брата Фаиза³ и меня, в аэропорт, откуда нам предстояло лететь на учебу в Америку: Фаизу – в Джорджтаунский университет в Вашингтоне, а мне – в Университет Чикаго.

Вчера мы были в Иерусалиме, в отеле «Кларидж», в районе аль-Катамон, которым управляет Фарид Атая. Вчера мы – Жо-

- 1** В статье представлены отрывки из первой автобиографии Шараби: SHARABI H. *al-Jamr wa-r-Ramād*. Beirut, 1978. В этой работе он рассуждает об арабском обществе 1940-х, а также вспоминает о своих связях с Сирийской социальной националистической партией (ССНП) и отношениях с ее основателем, православным ливанцем Антуном Сааде. Автобиографические произведения Шараби представляют интерес и как источники по истории национализма в арабском мире. См., например: SCHUMANN C. *Radikalnationalismus in Syrien und Libanon. Politische Sozialisation und Elitenbildung 1930–1958*. Berlin, 2001. S. 35–48, 111–136. Здесь и далее – примечания переводчика.
- 2** Аэропорт в Лоде появился в период британского мандата на Палестину (1920–1948). Сейчас это аэропорт имени первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона.
- 3** Фаиз Сайиг (1922–1980) – американский профессор палестинского происхождения, основатель Палестинского центра исследований (не путать с Institute for Palestine Studies). Как и его друг Хишам Шараби, в конце 1940-х Фаиз Сайиг учился в Американском университете Бейрута и состоял в ССНП.

АРХИВ «НЗ»

зеф Саляме и я – ходили смотреть фильм «Хабиб аль-Омар» с Фаридом аль-Атрашем⁴ и Самией Джамаль⁵ в кинотеатре «Рекс». Зал был полон зрителей, и жизнь текла, как обычно, как будто в Палестине ничего не происходило.

В маленьком безлюдном аэропорту сотрудник компании «TWA» сказал нам, что наш самолет задерживается и что вылет перенесли на следующее утро. Мы вернулись в Лод и провели ночь в небольшом отеле, куда нас отвез Юсуф, прежде чем вернуться в Иерусалим. Это была последняя ночь, которую я провел в Палестине.

Следующим утром мы садимся в самолет. Из иллюминатора я в последний раз смотрю на мой город – Яффу. Я вижу Яффу со стороны моря, с точки над портом, различаю район Аджамы и белую православную церковь по соседству с нашим домом. Мне кажется, что я даже увидел наш дом на вершине холма аль-Арктанджи... Через несколько мгновений Яффа исчезает из поля моего зрения, и я вижу только длинный белый берег, за которым до горизонта тянутся сады апельсиновых деревьев⁶.

ХИШАМ ШАРАБИ

УГЛИ И ПЕПЕЛ

Хишам Шарابي (1927–2005) – историк палестинского происхождения, много лет преподавал историю европейской мысли в Джорджтаунском университете (США).

2

Сейчас, когда я пишу эти строки много лет спустя, я спрашиваю себя, как мы могли уехать из нашей страны и от войны, которая там шла, и от евреев, готовящихся захватить ее...

Тогда этот вопрос не приходил мне в голову, и, думаю, мой друг Фаиз не задумывался о том, что евреи нашего возраста, в том числе их девушки, становились солдатами; мы не думали об этом, как не думали о том, чтобы отложить нашу учебу и остаться на родине, чтобы сражаться. Есть те, кто может сражаться за нас. Как те, кто сражался в восстании 1936 года⁷ и кто еще будет сражаться в будущем. Крестьяне, которым нет нужды получать специальность на Западе. Тут, на этой земле, их естественное место. Что же касается нас – нас, интеллигенции, – то мы действуем на другом поприще... Мы боремся на фронте мысли и ведем тяжелую интеллектуальную борьбу.

4 Фарид аль-Атраш (1915–1974) – актер и певец, один из самых известных деятелей арабской культуры в XX веке. Родился в городе ас-Сувейде на юге современной Сирии.

5 Самия Джамаль (1924–1994) – египетская актриса и танцовщица.

6 Образ апельсинов из Яффы стал важным символом в культуре и национальном самосознании палестинцев. См. рассказ палестинского писателя Гассана Канафани (1936–1972) «Земля печального апельсина» в одноименном сборнике (1963).

7 Имеется в виду восстание в Палестине 1936–1939 годов.

Сейчас я вспоминаю одно событие, случившееся в период, когда я покидал свою страну. В конце 1947 года страну накрыла бурная волна энтузиазма из-за решения о разделе⁸. Студенты Американского университета в Бейруте⁹ проводили уличные демонстрации и призывали записываться в добровольцы «Армии спасения»¹⁰. Я принимал их прошения в пункте записи и записал большое количество людей. Я проинструктировал их прибыть на площадь аль-Бурдж на следующий день, чтобы затем отправиться в Хомс¹¹ для боевой подготовки. Из сотен записавшихся пришло ничтожное количество, которое можно было пересчитать по пальцам одной руки.

А мой друг Юсуф Айбаш рассказывал мне о другом случае, произошедшем в тот же период с одним из его коллег. Юсуф был одним из первых, кто загорелся энтузиазмом [бороться с Израилем], и они с другом решили присоединиться к «Армии спасения». Они направились прямо в Дамаск (Юсуф принадлежал к знатной и известной дамасской семье), где пошли в офис Тахи-паши аль-Хашими, лидера «Армии спасения», и потребовали встречи с ним. После недолгого ожидания Таха-паша вежливо и с улыбкой принял их, предложил им кофе, но отказался записать их в ополчение, сказав:

«Сыны вы мои, война – это не для молодых людей вроде вас. Я искренне советую вам вернуться к учебе. Вы из хороших семей, вы служите родине наукой и познанием, а не войной и винтовкой. И без вас найдется тот, кто может носить винтовку».

4

Самое странное в этом – то, что мы, Фаиз и я, были политически ответственными (мы оба были активными членами Сирийской социальной националистической партии¹²) и очень социально

- 8** Речь идет о плане ООН по разделу территории бывшего британского мандата на арабское и еврейское государства. Принят 29 ноября 1947 года резолюцией № 181 Генеральной ассамблеи ООН.
- 9** Престижное частное учебное заведение, основанное американскими пресвитерианскими миссионерами в 1866 году как Американский протестантский колледж (American Protestant College). В университете учились и преподавали многие видные деятели арабской культуры второй половины XIX века, а также множество деятелей культуры и представителей политической элиты Ливана, Сирии, Ирака, Иордании и других стран. Про историю университета и политического активизма в нем см.: ANDERSON B.S. *The American University of Beirut. Arab Nationalism and Liberal Education*. Austin, 2011.
- 10** «Арабская армия спасения», или просто «Армия спасения», – добровольческие вооруженные формирования, которые участвовали в Палестинской войне (1948–1949; в Израиле известна как Война за независимость) на стороне арабской коалиции.
- 11** Город в Сирии.
- 12** Сирийская социальная националистическая партия – политическая партия, основанная в 1932 году в Ливане. В основе ее идеологии лежит доктрина сирийского национализма, сформулированная Антуном Сааде. Целью партии является «возрождение» Сирии в ее «естественных границах»: изначально подразу-

сознательными. И при этом мы покинули нашу страну в минуту испытаний без колебаний и чувства вины. Как будто это было естественно и не требовало обдумывания и переоценки. В моей нынешней попытке истолковать свои действия (а отнюдь не оправдать) я оказался полностью бессилён. Возможно, то, что мы были интеллектуалами, несколько затуманило наше зрение, и мы стали смотреть на происходящее из чисто интеллектуальной перспективы, и, таким образом, весь мир казался нам темой для наших слов и умозаключений, а не пространством, где можно действовать и прилагать наш труд. Как будто бы было достаточно любить нашу родину всем сердцем, мечтать о великом будущем нашей нации, не требуя от себя ничего, кроме искренности наших чувств.

ХИШАМ ШАРАБИ

УГЛИ И ПЕПЕЛ

6

Я вошел в свою комнату и закрыл за собой дверь. В первый раз с того момента, как я покинул аэропорт Лода, я мог спокойно подумать. Вот я наконец-то в Америке... Сбылись мои мечты, я приехал в Университет Чикаго, и я сейчас в своей собственной комнате в «International House»... Я почувствовал, как меня охватило одиночество... Мое сердце практически разрывается... и я близок к тому, чтобы заплакать. Я захотел вернуться. Захотел вернуться на мою родину, к моим близким и к партии, которую я покинул.

Мечта, если она сбывается, как и желание, если его удовлетворяют, оставляют после себя мрачную пустоту. В тот момент я решил вернуться как можно скорее. Окончу только магистратуру и вернусь через год. Мной овладело спокойствие. Тогда я не знал, что проведу большую часть своей жизни в Америке и что мое возвращение на родину продлится недолго и будет трагическим...

ВТОРАЯ ГЛАВА (ФРАГМЕНТЫ)

1

Все, кто учился в Американском университете в Бейруте, были из богатых, или по меньшей мере зажиточных, семей. Мы были

мевались территории французского мандата на Ливан и Сирию и британского мандата на Палестину и Трансиорданию, позднее понятие «естественной Сирии» было расширено. Другим ключевым элементом партийной идеологии был крайний секуляризм: стремление преодолеть религиозные различия между населением Сирии («сирийской нацией») и полный запрет на прямое и косвенное вмешательство духовных лиц в политику. Как и некоторые другие молодежные движения 1930-х, ССНП вдохновлялась эстетикой европейских фашистских движений. Сегодня партия представлена в парламентах Сирии и Ливана.

меньшинством среди десятков тысяч молодых людей нашего народа, способным получить доступ к науке/знаниям и высокой культуре. При этом мы не чувствовали, что обладаем привилегиями, которых были лишены другие. Мы привыкли жить в просторных домах и наслаждаться жизнью как хотим, не зная лишений, как если бы счастье было нашим естественным правом. С детства мы учились смотреть на бедных по-особому. Бедность была частью нашего мира, но не касалась нашей жизни и была от нее далека, как хижины, разбросанные вокруг наших роскошных кварталов. Нищие были несчастными людьми, мы их жалели, и их бедность ранила нас, но они принадлежали к совершенно другому миру. Вид просящих милостыню, которые наполняли улицы наших городов, казался чем-то естественным, не беспокоил нас и не вызывал угрызений совести. Мы не задумывались о том, что наше богатство и их нищета как-то связаны между собой. Мы испытывали жалость к этим несчастным созданиям, и это чувство давало нам глубокое моральное удовлетворение. Всякий раз, когда мы давали горсть монет бедняку и он начинал взывать к Аллаху, чтобы тот благоволит нам, хранил молодежь и был добр к нашим отцам и матерям, мы чувствовали, что Аллах доволен нашими хорошими поступками. Нас наполняло довольство собой, и наши добродетели казались нам больше в собственных глазах.

Моя бабушка была из религиозной аристократической семьи. Каждую пятницу, после полуденной молитвы она давала садаку¹³ бедным и настраивала радио на максимальную громкость, чтобы было слышно, как читают Священный Коран. Голос чтеца и запах благовоний наполняли дом, распространяясь по комнатам вместе с повторяющимися молитвами и призывами к Богу. После пятничной проповеди нищие приходили десятками и усаживались в саду, около восточного входа в дом, который располагался у кухни. Им предлагали еду, и они съедали ее молча, стоя на солнце или сидя на крыльце. После этого бабушка раздавала им старую одежду, небольшие суммы денег и лепешки, которыми она предварительно «массировала» меня и трижды читала над моей головой суру аль-Курси¹⁴. И, несмотря на мое недовольство «массажем» и бабушкиным бор-

13 Добровольные пожертвования бедным, поощряемые в исламе.

14 Имеется в виду аят (стих) Корана 2:255. В исламской традиции этот аят считается одним из важнейших в Коране. Как и некоторые другие части Корана, аят о троне нередко цитируют по различным ритуальным поводам. В переводе Игнатия Краковского он звучит так: «Аллах – нет божества, кроме Него, живого, сущего; не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах и на земле. Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения? Он знает то, что было до них, и то, что будет после них, а они не постигают ничего из Его знания, кроме того, что Он пожелает. Трон Его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их; поистине, Он – высокий, великий!» Сам по себе ритуал, когда предметами, предназначенными для раздачи бедным, «массируют», обтирают, тело одного из дающих (или просто дотрагиваются до него), нам не известен.

мотанием, я принимал эти обряды без вопросов. Раздражение и стыд в связи с религиозно-набожными действиями моей бабушки я почувствовал лишь много лет спустя, когда бабушка скончалась, а я стал смотреть на жизнь по-другому.

Важнейшими ценностями социального класса, к которому я принадлежал, были общественное положение, знатность семьи и демонстративное великодушие по отношению к гостям. Понятие чести (*karāma*) имело особое значения для этого класса, и что угодно могло ее задеть. Так что, хотя в период оккупации¹⁵ среди этого класса распространились патриотические чувства, оскорбление чести представлялось куда более значимым, чем попрание свободы или национальных прав, как если бы честь семьи и национальные права и свободы были одним и тем же. Что же касается народа, то он жил в унижении и нищете, его честь попиралась ежедневно, но об этом наш класс не задумывался. А потому в понятии национального самосознания, которое мы возвращали, не было связи между нашей жизнью, нашими действиями – и реальным положением нашего народа с его жизнью. Независимость значила избавление от иностранцев, которые занимали ключевые посты в нашей стране и не давали нам пользоваться ими. Что же касается освобождения народа и освобождения общества в значении возвращения человеку его человеческого достоинства, а обществу – его свободы, то об этом мы никогда не задумывались.

Предводители этого класса и его мыслители, которые формировали наше мировоззрение, смотрели на общество и историю с точки зрения положения своего класса, его ценностей и интересов. Для них прошлое было золотым веком, веком силы и могущества. Сравнение прошлого с настоящим огорчало: слишком прошлое от настоящего отличалось. Наши предводители и наши ученые мужи ненавидели человека Запада и одновременно страстно его любили. Для них Запад был источником всего, о чем они мечтали, и в то же время источником их унижения и несчастий. Так в нас возвращали комплекс неполноценности перед лицом Запада и в то же время учили маниакально поклоняться ему, а наши националистические представления стали фанатичными и максимально далекими от настоящих социальных и исторических понятий.

3

Для меня колониальное господство было чем-то реальным и осязаемым. Я, как и все мои товарищи, ненавидел колониализм,

15 Имеется в виду британский мандатный режим.

однако в моем случае ненависть проистекала из моего личного опыта как палестинца.

Летом 1941 года правительство Свободной Франции заняло Ливан при помощи британских войск. Как-то раз в следующем году я отправил письмо своей семье в Яффу, передав через одного из водителей, возивших пассажиров между Бейрутом, Хайфой и моим родным городом. В своем следующем письме, которое я послал почтой, я спросил отца, получил ли тот письмо, которое я отправил с водителем. И выяснилось, что мое письмо попало в руки цензуры, откуда ее передали французской военной разведке. Началось расследование, которое продолжалось некоторое время. Почти каждую неделю меня приглашали в службу общей безопасности в [бейрутском квартале] ас-Санаи, где в трех старых комнатах сидели три человека в гражданском, попивали кофе и курили.

Независимость значила избавление от иностранцев, которые занимали ключевые посты в нашей стране и не давали нам пользоваться ими. Что же касается освобождения народа и освобождения общества в значении возвращения человеку его человеческого достоинства, а обществу – его свободы, то об этом мы никогда не задумывались.

Я дожидался, пока они закончат пить кофе и болтать, и мне задавали вопросы, которые уже задавались на прошлой неделе и на неделе до нее, после чего я подписывал бумаги, которые мне давали. Таким образом расследование продолжалось около года, и за это время я успел окончить подготовительное обучение и зачислиться на первый курс. После начала учебы и уже после кризиса ноября 1943-го и демонстраций¹⁶ меня уведомили, что я должен предстать перед военным судом. Он находился в правительственном дворце, справа от лестницы, выходящей на собор Святого Людовика. Я пришел на полчаса раньше и ждал, сидя на ступеньках. Когда время пришло, пристав позвал меня, и я вошел в длинное мрачное помещение, в одном конце которого стояла деревянная кафедра, с трех сторон окруженная деревянными перегородками. В другом кон-

16 В ноябре 1943 года Свободная Франция Шарля де Голля арестовала новое руководство Ливана, взявшее курс на независимость, и назначила главой республики бывшего президента Эмиля Эдде, известного своими профранцузскими взглядами. Демонстрации, забастовки и давление Великобритании вынудили Францию уступить: 22 ноября президент, премьер-министр и члены правительства были освобождены, и с тех пор этот день отмечается как День независимости Ливана.

це комнаты сидел французский офицер, читавший лежавшие перед ним бумаги. Когда я вошел, молодой ливанец, выполнявший роль переводчика, отвел меня к кафедре и встал ровно между мной и офицером, который продолжал изучать свои бумаги, не поднимая головы и не подавая виду, что он знает о моем присутствии. Я покорно встал к кафедре, положил руки на ограждение и скрестил ноги, как делает мужчина, вышедший на балкон посмотреть, что происходит на улице.

Внезапно я услышал, как офицер гаркнул по-французски: «Стой ровно, скотина. Где ты, по-твоему, находишься?»

Я вздрогнул и машинально выпрямился, как солдат, которому отдали приказ. Мое сердце забилося быстрее, на лбу выступил пот. Я испугался, и меня тут же наполнило чувство презрения к себе, стоящему перед этим иностранцем. Заседание длилось меньше пяти минут, в итоге офицер объявил, что меня оправдали (по обвинению в шпионаже!), и предупредил, чтобы я посылал письма за границу только официальной почтой. Я вышел понурый и чуть не заплакал от злой обиды. Этот француз унизил меня.

[...]

С одним моим другом случился подобный случай. Он рассказал мне о нем, когда я вернулся в Акку¹⁷, где тогда жил мой дедушка, на летние каникулы. Мой друг Камиль Арнаут работал в нефтеперерабатывающей компании неподалеку от Хайфы. Однажды несколько его коллег-американцев предложили посетить достопримечательности в Акке. После посещения старого города они пошли в крепость, которую британцы тогда использовали как тюрьму. Начальником тюрьмы был британский офицер, женатый на еврейке и известный своей ненавистью к арабам. Когда приходили иностранные посетители, он обычно лично показывал им крепость и рассказывал ее историю. Этот офицер принял американских друзей Камиля с большим радушием, устроил им экскурсию, познакомил с историей крепости и рассказал о ее особенностях. Но, пока офицер что-то рассказывал, он обратил внимание на то, что среди посетителей был и Камиль. Тогда он замолчал, побагровел от гнева и сказал так, что его услышали все, находившиеся в помещении: «Я не экскурсовод для туземцев [*natives*]. Просьба покинуть замок и подождать снаружи».

Когда Камиль рассказал мне об этом, меня снова наполнили чувства отвращения, гнева и злобы к иностранцам, которые по любому поводу унижают нас на земле нашей родины.

17 Сейчас город Акко, расположенный на севере Израиля.

Еще до переезда в общежитие я присоединился к тайному обществу, целью которого было освобождение и объединение арабской родины¹⁸. Я до сих пор не знаю, кто стоял за этой организацией, впоследствии одной из предтеч Движения арабских националистов. Наша ячейка состояла из некоторого числа перво- и второкурсников, мы собирались раз в неделю в одной из комнат и обсуждали различные темы под руководством председателя. Темы собраний были обширными, а обсуждения бурными, но вскоре мне это наскучило. Все-таки я присоединился к ячейке, чтобы преодолеть чувства беспокойства, неясности и бессилия, а не чтобы испытывать их еще чаще!

Я покинул ячейку и перестал появляться на еженедельных собраниях. В то время мои воззрения оставались консервативными, и я продолжал следовать за традиционной националистической мыслью, которую исповедовало предыдущее поколение. Это поколение боролось с османским империализмом, но после Первой мировой войны стало жертвой империализма британского и французского, с которым потом сотрудничало. Мои мысли были сосредоточены на лозунгах свободы и независимости, этим дело и ограничивалось. Но после того, как я перестал быть членом ячейки, я жаждал преодолеть свое политическое одиночество. Дружба не была достаточной (хотя и оставалась крайне важной) для удовлетворения потребности в групповой принадлежности, ведь «я» и «ты» еще мало для формирования «мы» в подлинно групповом значении. Я страстно желал стать частью чего-то большего, чтобы моя идентичность слилась с полноценной групповой идентичностью. Я думал, что дружба, не подкрепленная подобной более широкой связью и общей целью, ограничена и неполноценна. В конце концов, это подтолкнуло меня к вступлению в Сирийскую [социальную] националистическую партию.

В партию я вступил главным образом из-за курса политологии, на который ходил на третьем году моей учебы в Американском университете. Этот предмет у нас вел Шарль Иссауи¹⁹, и он предложил нам выбрать тему [доклада] об одном из современных правительств или партий. И я выбрал Сирийскую националистическую партию: не от большой любви к ней, а из любопытства к партии, которая была главным врагом арабов и

18 *al-Watan al-'arabi* (букв. «арабская родина») – понятие, равнозначное словосочетанию «арабский мир».

19 Ливанский исследователь, помимо прочего, написал ряд работ по экономической истории Ливана.

арабского национализма, – по мнению ячейки, к которой я принадлежал в мой первый год учебы. Я провел месяцы, изучая партию и ее историю, и прочитал все, что было о ней написано. Я изучал ее принципы, речи и статьи ее основателя Антуна Сааде²⁰, который с 1938 года был в бегах в Аргентине. Я проинтервьюировал множество партийных руководителей, много говорил с Наамой Табетом, лидером партии в то время, встречался с Жоржем Абдель-Масихом, первым членом партии, и с аппаратчиками. Все принимали меня благожелательно и добродушно, помогали с любыми вопросами. В начале марта 1946 года нас с Фуадом Наджаром позвали отмечать день рождения Сааде (первое марта было важнейшим официальным праздником в партии) в дом Наамы Табета в Гобейри²¹ (сейчас там находится дом посла Алжира, неподалеку от аэропорта). Район Гобейри располагался тогда за пределами Бейрута, к югу от старого аэропорта, где сейчас расположен спортивный городок.

Мы пришли в дом Наамы Табета около семи вечера. Это оказался старый особняк, окруженный просторным садом, полным цветов ранней весны. Мы вошли в вестибюль и обнаружили, что он кишит парнями и девушками, и атмосфера, царившая там, была для меня новой. Мероприятие началось с военного построения и партийного салюта²². Это поразило и меня, и Фуада. Потом начались речи. Они следовали одна за другой, и последним выступал Наама Табет. Его тон был спокойным и степенным. К концу собрания я покинул зал и почувствовал, как остатки моей вражды к партии испарились, уступив место глубокому чувству признания и уважения.

Позже я еще раз – последний – встретился с Наамой Табетом. Это было осенью 1946 года (до его исключения из партии после возвращения вождя в Ливан оставался где-то год). Я сопровождал его в поездке из Бейрута на юг, где нам предстояло присутствовать на ряде партийных мероприятий в Тире, Марджьюне и Рашае аль-Фуухаре. С нами в машине ехал молодой шиит, который недавно присоединился к партии. Его звали Рияд Таха

20 Антун Сааде (1904–1949) – ливанский политик, журналист и писатель, основавший в 1932 году Сирийскую социальную националистическую партию, ее вождь и идеолог. Сааде родился в деревне Духур аш-Шуэйр в Горном Ливане в семье православных христиан. В 1920 году Антун Сааде переехал в Южную Америку, где тогда уже находился его отец, врач и журналист Халиль Сааде. Вместе отец и сын издавали газету и журнал. В 1930 году Антун Сааде вернулся в Ливан, где устроился преподавателем немецкого в Американский университет в Бейруте. В университете он создал секретную политическую организацию, из которой выросла Сирийская социальная националистическая партия. В 1949 году был обвинен в подготовке вооруженного восстания и переворота, приговорен военным судом к расстрелу. См.: BESHARA A. *Outright Assassination: The Trial and Execution of Antun Sa'adeh, 1949*. Reading, 1995; IDEM. *Introduction* // IDEM (Ed.). *Antun Sa'adeh: The Man, His Thought. An Anthology*. Reading: Ithaca Press, 2007. P. 1–16.

21 *al-Ghubayrī* – район Бейрута.

22 Партийное приветствие ССНП выглядит следующим образом: человек поднимает правую руку так, чтобы кисть и выпрямленные пальцы были направлены вверх; при этом рука согнута в районе локтя на 90 градусов. Салют сопровождается фразой «Да здравствует Сирия! Да здравствует Сааде!»

(впоследствии он покинул партию и стал видным журналистом и политиком), и он всю дорогу говорил с Наамой Табетом, что не позволило мне побеседовать с ним и познакомиться ближе.

Несмотря на то, что идеологически я перешел из лагеря арабского национализма к его сирийско-националистической противоположности, по части мыслей и чувств атмосфера моего нового лагеря мало отличалась от атмосферы арабизма, в которой я жил ранее. Потому что ценности, фразы и смыслы остались, в общем-то, теми же. Только их форма местами отличалась. Когда сегодня – по прошествии всех этих долгих лет – я пытаюсь проанализировать свою идеологическую эволюцию в тот период и понять, почему я перешел от одной точки зрения к противоположной, я понимаю, что у меня нет ответа. И вещи, которые тогда казались мне истиной в последней инстанции, мало что значат для меня теперь. Что значит для меня сегодня вопрос о нации? История нации и ее цивилизация, будь она арабской или сирийской – в чем смысл этого? Мысли, заложенные в ту или иную теорию, больше не кажутся мне исключительно важными. Сегодня меня волнует жизнь этого истерзанного народа и судьба этих поработанных, эксплуатируемых народных масс. Все мысли, ценности и цели, которые не связаны с жизнью народа и судьбой масс, меня не волнуют и ничего для меня не значат.

Мысли, заложенные в ту или иную теорию, больше не кажутся мне исключительно важными. Сегодня меня волнует жизнь истерзанного народа и судьба поработанных, эксплуатируемых народных масс.

23

Самолет, вернувший Антуна Сааде на родину после девяти лет в Латинской Америке, приземлился 2 марта 1947 года. В старом аэропорту Бейрута и Бир Хасане – теперь неподалеку, на кладбище Святого Или, находится его могила – его встречали тысячи социал-националистов. В тот день ему исполнилось 42 года. (Когда он покидал Бейрут в 1938 году, ему было 33.) В тот день ни ему, ни нам не приходило в голову, что через пару лет в окрестности этих мест появится его могила.

В самолете, на котором Сааде прибыл из Египта, находился также Фаузи аль-Кавукджи²³, возвращавшийся из Германии, где он провел годы войны. Аль-Кавукджи подумал, что тысячи людей, собравшиеся в аэропорту, приехали туда, чтобы встретить

23 Фаузи аль-Кавукджи (1890–1977) – бывший офицер османской армии, арабский националист, в ходе войны в Палестине (1948–1949) был полевым командиром «Армии спасения».

его, и вышел из самолета, улыбаясь. Он понял, что толпа собралась приветствовать кого-то другого только после того, как сам Сааде вышел из самолета и социал-националисты начали выкрикивать лозунг «Да здравствует Сирия! Да здравствует Сааде!» Я увидел Кавукджи со своего места за территорией маленького аэропорта. Оттуда мы с Фуадом Наджаром, Лабибом Зувией и нашими товарищами выкрикивали партийное приветствие. Когда Кавукджи понял свою ошибку, он пропустил Сааде вперед и прошел за ним до выхода.

Шествие тысяч партийцев, пришедших приветствовать вождя, проследовали из аэропорта до дома Наамы Табета в Гобейри. Там Сааде выступил с известной речью, в которой заявил, что партия не отступится от своей сирийско-националистической идеологии, обрушился с критикой на ливанский изоляционизм и конфессиональный режим в Ливане и призвал к объединению «Плодородного полумесяца»²⁴ и борьбе за освобождение Палестины. Мы с Фуадом стояли неподалеку от него. Я до сих пор помню каждое слово, произнесенное тогда Сааде:

«Сегодня – самый счастливый день моей жизни: вернуться домой после почти девяти лет изгнания, воссоединиться с этой растущей группой, которая представляет нацию, не желающую оказаться на свалке истории. После пятнадцати лет организованной борьбы, какой давно не видел мир, сегодня мы живая нация-победитель. Мы посрамили иностранный план расколоть нас на конфессии и религиозные направления. Прибежище религии – одни только небеса. А наши националистические доктрины создадут новый мир и вознесут эту нацию в вечность».

Толпа зааплодировала и вновь принялась скандировать «Да здравствует Сирия!» и «Да здравствует Сааде!». Я огляделся и увидел, как слезы текут по щекам старых партийцев. Они неподвижно смотрели на Сааде, как будто не верили тому, что видели и слышали, и я видел, как некоторые обнимались и перешептывались: «Сааде вернулся, вернулся Сааде, партия вернулась».

Сааде продолжал речь:

«Чего хотят ливанцы от своего [территориального] образования?²⁵ Чтобы в нем был свет, а кругом была тьма? Но если и есть в Ливане

24 Под «Плодородным полумесяцем» подразумевается часть Западной Азии, расположенная между Средиземным морем на западе, Турцией и Ираном на севере и востоке и Сирийской пустыней и Аравийским полуостровом на юге (территории современных Ирака, Сирии, Ливана, Израиля, Палестины и Иордании). Уже в древности (IV–III тысячелетия до нашей эры) значительные водные ресурсы «Плодородного полумесяца» способствовали появлению первых земледельческих цивилизаций в Древней Месопотамии (Ирак) и сиро-палестинском регионе.

25 *al-kiyān* – понятие, в дискурсе арабских националистов обозначающее искусственное территориальное образование, появление которого часто связано с колониализмом. В 1920–1940-х оно широко применялось противниками создания Ливана в границах 1920 года. См.: EL-SOLH R. *Lebanon and Arabism: National Identity and State Formation*. London, 2004.

свет, то он достоин того, чтобы распространиться по всей естественной Сирии».

И вновь раздались лозунги. Слово «Сирия» произносилось публично в первый раз с тех пор, как партия – в отсутствие Сааде – переименовалась в «националистическую», и каждый стремился выкрикнуть погромче: «Да здравствует Сирия!», «Да здравствует Сирия!»

Сааде перешел к теме арабов и арабизма²⁶.

«Вы одолели и вздорные толки, будто бы социальные националисты – враги арабов и арабизма. Ведь если и есть в этом мире подлинный, чистый арабизм, так это арабизм Социал-националистической партии.

Чем по сути является Лига арабских государств, которая сегодня представляет арабский мир? Разве это плод фантазии заигравшихся арабистов, которые грезят арабской империей и арабским национальным единством? Или это воплощение того, к чему призывала наша партия: создать фронт арабских наций, чтобы противостоять колониальным поползновениям и стать реальной силой на международной арене, способной реализовать чаяния этих наций?

Лига арабских государств сегодня – это реализация того, к чему призывала социальная националистическая партия. Все это время мы были носителями подлинного арабизма, а все остальные – проповедниками арабизма ложного. И теперь мы – часть единого фронта арабского мира, и мы – его сердце, мы – его меч, и мы – его щит».

И вновь лозунги прогремели до небес.
И, наконец, он заговорил о Палестине.

«Наша борьба продолжается, и вы должны постоянно помнить, что сирийская Палестина, это [наше] южное крыло, находится в чудовищной опасности. Социальные националисты хотя и избавить Палестину от поползновений евреев и их поделщиков.

И вы услышите голоса тех, кто говорит, будто спасение Палестины вредно для Ливана и ливанцев и что Ливану не должно быть до этого дела. Но в сущности спасение Палестины – это настолько же ливанская проблема, насколько она и сирийская, и палестинская. Еврейская угроза Палестине – это угроза всей Сирии, угроза для всех этих (искусственных территориальных) образований.

И вновь я говорю, что эти образования должны быть не оковами нации, а ее твердынями, из которых она отбивается от посягательств на ее права.

Я говорю вам, социальные националисты, что мы возвращаемся на путь борьбы».

26 Имеется в виду арабский национализм (панарабизм).

Мы вернулись в университет; сердца наши были полны радости и уверенности. Только на следующий день я узнал, что был выдан ордер на арест Сааде, что он отказался сдаваться и бежал в горы.

Впервые я встретился с вождем в горах, когда он пригласил нас с Фуадом в свое временное пристанище в Бешамуне. Я помню точную дату нашей встречи, потому что это был день моего двадцатилетия. Когда мы приехали, Сааде приветствовал нас с такой теплотой, как будто мы были старыми друзьями.

У него была колоссальная харизма, силу которой сложно объяснить. Он был среднего роста, спортивного телосложения, со смуглой кожей, заостренными чертами лица и пронизательными глазами. В своих словах и движениях он демонстрировал полное самообладание: не повышал голос, не размахивал руками. Со всеми, с кем общался, он был приветлив и вежлив. На протяжении всего нашего знакомства я ни разу не видел, чтобы он обошелся с кем-то грубо или высокомерно – напротив, он был вежлив и с уважением относился к чувствам других. И я не припомню, чтобы Сааде хоть раз приказал мне что-то сделать. Если он хотел чего-либо, он просил это не напрямую, а намекал или говорил о необходимости сделать это, оставляя инициативу за тем, кому предназначалось поручение. Так он разбирался со всеми вопросами и проблемами.

И я не забуду, как вскоре после моего возвращения из Чикаго в 1949 году Сааде – за несколько месяцев до своей трагической смерти – узнал, что я полюбил американскую девушку и подумывал вернуться в Чикаго, чтобы получать докторскую степень. Он не сказал мне: «Забудь девушку! У тебя есть другие обязанности, от которых нельзя отказываться». Он не давал мне наставлений, и не читал нотаций, и никоим образом не выражал своего мнения. Но однажды он вызвал меня к себе в офис и спросил, могу ли я провести с ним следующий день. И я, конечно же, согласился. На следующий день я пришел к его дому, расположенному неподалеку от больницы Халиди. Сааде был готов провести весь день на берегу моря, где он снял шале на пляже Сен-Симон. Мы поплавали, побегали и пообедали на веранде с видом на море. Мы говорили на разные темы. И, в конце концов, он сказал мне:

«Ты знаешь, что чувства – это такая вещь в нашей жизни, с которой необходимо бороться и которую нужно одолеть. Если мы не сделаем этого, то мы не сможем реализовать ничего важного в этой жизни. [...] Я знаю и ценю твои чувства. У меня был похожий опыт. Но я заявляю тебе со всей искренностью, что и в моей жизни чувства и долг часто сталкиваются и противоречат друг другу, но я всегда ставлю долг на первое место. А чувства я бросал на землю и топтал».

Это было все, что он сказал, и больше мы к этой теме не возвращались. Я решил остаться в Бейруте и отложил свое возвращение в Чикаго на неопределенное время. [...]

25

В то время, несмотря на постоянные перемещения, вождь постоянно – почти рутинно – занимался партийными делами. Он регулярно проводил встречи партийного руководства, и члены партии приезжали по вызову Сааде в его очередное временное место пребывания. С собой они привозили портфели, полные документов по вопросам, за которые отвечал тот или иной партиец. Многие заседания проходили с заката и до рассвета следующего дня.

На этих встречах вождь демонстрировал внимание к деталям, полностью разрешал все вопросы, и к концу заседания не оставалось вопроса, на который он не ответил, и проблемы, которой он не решил. От ведущего заседания Сааде требовал читать официальные отчеты окружных ячеек и исполкомов из разных областей, а также письма от членов партии.

Поначалу делегаты приезжали с пустыми руками, если не считать пачки сигарет, как будто они собирались на вечеринку. Однако все изменилось, когда они осознали важность этих встреч. Я помню, как после третьей или четвертой встречи в убежище в [родной деревне Сааде] Духуре аш-Шуэйре все стали прибывать с отчетами, документами, в сопровождении помощников, и все были в высшей степени готовы решить любой вопрос, связанный с их округом.

За короткое время присутствия вождя атмосфера в партии преобразилась, и в ней забились новая жизнь. Округа и исполкомы по всей стране возрождались и снова начинали расти, а партийные делегации прибывали из разных уголков Ливана, Сирии, Иордании и Палестины, чтобы встретиться с вождем.

В июле того года еженедельное партийное издание произвело настоящий фурор. Вождь распорядился, чтобы на передовице в партийных цветах (черный, белый и красный) была опубликована большая эмблема, символ урагана²⁷, которым партия не пользовалась с отъезда вождя. Такое появление урагана бросало вызов властям и давало понять, что партия вернулась на путь борьбы. И это сильно повлияло на членов партии в моральном плане, и в употребление вернулись старые партийные лозунги, и вновь распространилось слово «Сирия» и старое партийное приветствие «Да здравствует Сирия!». По

27 «Красный ураган» – символ партии, недвусмысленно напоминающий свастику.

партии распространилось чувство, что она вернулась к своей идеологии после того, как почти «ливанизировалась». В этот период к ней примкнули тысячи новых членов, и в Ливане, Сирии, Палестине и Трансиордании возникли десятки окружных секций и исполкомов.

26

Личность Сааде полностью покорила меня. Вопросы по поводу базовых тезисов партии, ее идеологии и организации, которые задавали люди вроде Фаиза Сайига, Гассана Туэйни²⁸ и Карима Азкуля, не производили на меня никакого впечатления. Я был на сто процентов за Сааде и отрицал всякую критику со стороны оппозиции. И я не обсуждал с Сааде (хотя, возможно, и следовало бы) нововведения в идеологии, появившиеся после его возвращения из Аргентины, а именно – его новое определение сирийской родины, которая превратилась в «сирийский “Плодородный полумесяц”», после того как к исторической Сирии (Ливан, Сирия, Палестина и Трансиордания) добавились Ирак, Кувейт, Кипр. Все эти изменения произошли без консультаций с членами партии и без одобрения верховным советом.

Я без колебаний принял новые идеи Сааде, даже если они вызывали у меня некоторые сомнения – например, его идея коллективизма и признания коллектива высшей ценностью. Индивида он видел лишь инструментом, с помощью которого коллектив достигает своих целей, и именно коллектив является прочной «кistiной», которая остается, а что касается индивидов, то «они опадают, как листья по осени». Также и его призыв к национальной экономике, построенной на капиталистическом производстве, без изменений в области прав на средства производства. Я не выражал никаких возражений по поводу его образа мысли, а подчинялся ему, как ученик подчиняется учителю или сын – власти отца. Вероятно, это можно объяснить тем, что тогда я не испытывал отвращения, какое испытываю теперь, ко всякой системе, построенной на подчинении вышестоящим. Тогда я был не способен морально критиковать Сааде и спорить с ним.

Я верил в Сааде всеми своими мыслями и чувствами. Для меня он был предводителем и героем (идеальным отцом), я любил и уважал его, как не уважал никого больше. И таким Сааде останется для меня навсегда, даже когда – и если – мне будет 70.

28 Гассан Туэйни (1926–2012) – ливанский журналист, политик и дипломат. Много лет руководил газетой «an-Nahār» (основана его отцом Джибраном Туэйни в 1933 году).

Если бы Сааде было суждено выжить, ему было бы 70 с небольшим и он был бы ровесником Камиля Шамуна²⁹ и Пьера Жмайеля³⁰. Иногда я задаюсь вопросом: если бы он выжил, остался ли бы я верным ему членом Сирийской социальной националистической партии?

И я не сомневаюсь в ответе на этот вопрос: нет. Из последователя Сааде и партии я не мог не превратиться в их критика. Это было неизбежно по мере созревания моей личности, душевного развития и достижения мной некоторой сознательности. При этом авторитарные ценности не могли не смениться на ценности критического мышления, и мысль должна была пробудиться свободной, не принимающей веру за критерий истины и не готовой построить всю жизнь вокруг нее. И так и произошло.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

- 29** Камиль Шамун (1900–1987) – ливанский политик и дипломат, второй президент Ливана (1952–1958). После отставки продолжил заниматься политикой и основал Национал-либеральную партию. На первых этапах гражданской войны (1975–1990) заметную роль играло партийное ополчение этой партии (Милиция Тигров), которое сражалось на стороне Ливанского фронта (коалиции преимущественно христианских националистических партий и ополчений) против ливанских левых и палестинских партий и ополчений. Шамун был бескомпромиссным сторонником независимости Ливана и капитализма, пользовался значительной поддержкой среди ливанско-националистически настроенных христиан.
- 30** Пьер Жмайель (1905–1984) – ливанский политик, один из основателей и многолетний лидер партии Ливанских фаланг. Большого влияния в политике фалангисты достигли к концу 1950-х. В годы гражданской войны (1975–1990) партия стала основной силой, претендующей на представительство интересов христианского – в особенности маронитского – населения. Как и ССНП, фалангисты появились в 1930-х как военизированное молодежное движение, вдохновленное европейскими крайне правыми экстремистами (в частности, фалангисты активно использовали так называемое «римское приветствие»).